

Лян Цю опасался, будто одна-единственная куртка заставит Шэнь Няня смягчиться, однако тот проявил куда больше здравомыслия, чем от него ждали.

Должно быть, занесённая, но так и не опустившаяся ладонь Шэнь Чуншаня оставила в его душе глубокий след. И потому, даже когда отец сделал шаг к примирению, Шэнь Нянь не бросился ему навстречу. Любой ране нужно время, чтобы затянуться, а невидимым рубцам на сердце — и подавно.

С того дня, как с Гу Чжи произошёл несчастный случай, и до самого Нового года прошло почти два месяца. И всё это время Шэнь Нянь не появлялся дома.

Впрочем, Тростниковый переулок оставался его родным домом, и бегать вечно он не мог.

На новогодние праздники Шэнь Нянь решил всё же съездить в Тростниковый переулок — если не ради отца, то хотя бы ради бабушки Цинь. Лян Цю, узнав об этом, затревожился, но понимал, что удержать брата не сможет, и вызвался поехать с ним. Шэнь Нянь отказался. То, с чем ему предстояло столкнуться, касалось только его одного. Какими бы благими намерениями ни руководствовался Лян Цю, в этой ситуации он ничем не мог помочь.

Ехал он вовсе не для того, чтобы устраивать скандалы. Если представится шанс наладить отношения, Шэнь Нянь противиться не станет. Именно поэтому в день отъезда он специально надел пуховик, купленный Шэнь Чуншанем, желая показать: отцовскую заботу он помнит и ценит.

На заводе объявили выходные. Когда Шэнь Нянь переступил порог, Шэнь Чуншань подметал двор. Заметив сына, отец опешил от неожиданности — на лице отразились смятение и радость, а уж когда он разглядел на юноше подаренный пуховик, взгляд его и вовсе засиял.

Прежде Шэнь Чуншань переживал, что сын отвергнет подарок, а теперь вздохнул с облегчением:

— Сяо Нянь вернулся? Ну как, куртка впору? Тёплая?

Шэнь Нянь чуть улыбнулся:

— Очень тёплая. Спасибо, пап.

Прошлая ссора ранила обоих слишком больно, поэтому теперь оба старались обходить острые углы. Намерение загладить вину прослеживалось чётко, особенно со стороны Шэнь Чуншаня. Он принялся суетливо подталкивать сына к дому:

— Иди отдохни, отопление включено, в доме тепло. Насчёт обеда только скажи — сам приготовлю. А не хочешь домашнего, ходим в заведение какое-нибудь. Как скажешь, так и

сделаем.

От такого пылкого радушия Шэнь Няню стало не по себе. Отец, судя по всему, и сам почувствовал натянутость момента и тут же пошёл на попятную:

— Ох, озадачил я тебя с порога... Да ты не спеши, время ещё есть, подумай спокойно. Как надумаешь — скажешь.

— Хорошо.

Первоначально Шэнь Нянь намеревался помочь отцу с уборкой во дворе, но после этой неловкой сцены понял, что не найдёт нужных слов для разговора. Потоптавшись секунду, он повернулся и прошёл в дом.

Едва переступив порог северного флигеля, Шэнь Нянь столкнулся с Гу Чжи. Гипс с его руки уже сняли. Он стоял в дверях своей комнаты и пристально наблюдал за гостем — с таким видом, будто следил за ним с той самой секунды, как тот открыл калитку.

Это была их первая встреча с тех пор, как Шэнь Нянь уехал жить в общежитие.

Шэнь Нянь надеялся, что за два месяца страсти улеглись. Если Гу Чжи и не воспылет к нему дружелюбием, то хотя бы перестанет враждовать — ведь мешать ему Шэнь Нянь больше не мог при всём желании. Однако одного взгляда на сводного брата хватило, чтобы понять: тот вовсе не рад его приезду. Ни капли.

Гу Чжи въедливо оглядывал его с ног до головы, словно пытался разглядеть, как переменился Шэнь Нянь за время разлуки. Подобное пристальное внимание приятно кому угодно, но только не Шэнь Няню, и он заговорил первым:

— Гу Чжи, я уеду завтра же.

На губах Гу Чжи скользнула улыбка, вот только искреннего веселья в ней не было вовсе — и оба они прекрасно это осознавали.

— И что с того? — Гу Чжи чуть наклонил голову набок. — Что ты хочешь этим сказать, брат Няньнянь?

— Я просто хочу спокойно провести этот день, — Шэнь Нянь прямо встретил его взгляд. — Я ни на что не претендую и никак не угрожаю твоему положению. Не нужно видеть во мне врага и держаться настороже.

Взор Гу Чжи сместился на пуховик Шэнь Няня — он рассматривал эту вещь с той самой

минуты, как юноша вошёл во двор. Не давая Шэнь Няню осмыслить этот странный жест, Гу Чжи неторопливо произнёс:

— Ты так говоришь, брат Няньнянь, будто я замыслил против тебя недоброе. Успокойся, ничего я делать не стану. Тебя не было два месяца... я ведь тоже по тебе скучал.

«Скучал?» Шэнь Нянь не поверил ни единому слову. На собственном горьком опыте он успел усвоить, чего стоят заверения Гу Чжи. Впрочем, возражать он не стал — оставалось лишь надеяться, что тот сдержит обещание и не станет устраивать пакостей.

За время его отсутствия комната пришла в запустение и покрылась слоем пыли. Раньше Шэнь Нянь приводил дом в порядок каждый день, но у отца не хватало времени, а Гу Чжи грязь ничуть не смущала. Жить в таком разгроме Шэнь Нянь не мог из-за своей врождённой склонности к чистоте, поэтому, не найдя лучшего занятия, взялся за тряпку и ведро.

К тому моменту, как юноша закончил приборку, Шэнь Чуншань как раз убрал двор. Шагнув в чистую, посвежевшую комнату, отец смущённо улыбнулся:

— Надо же, только приехал — и сразу за уборку... Я ведь хотел сам здесь прибрать, как во дворе закончу.

— Ничего страшного, — ответил Шэнь Нянь. — Всё равно делать было нечего.

Шэнь Чуншань потеплел голосом:

— На самом деле Сяо Чжи тоже умеет прибираться, парень он рабочий. Просто у него рука только-только срослась, вот я и не разрешаю ему перенапрягаться.

Разговор казался уютным, но за ним сквозила отчуждённость, какая бывает между давно не видевшимися дальними родственниками. А похвала в адрес Гу Чжи прозвучала так, будто отец гордился собственным родным чадом.

Шэнь Нянь не подал вида, хотя прекрасно разгадал отцовский подтекст: Шэнь Чуншань всё ещё лелеял надежду помирить мальчиков. Вот только он совершенно не понимал — это невозможно. И дело было даже не в Гу Чжи, а в самом Шэнь Няне.

Да, он привык уступать и не боролся за первенство, но это не означало, будто он готов с лёгкостью простить причинённую боль.

Мстить он не станет. Но и идти на сближение — никогда.

Шэнь Нянь промолчал. Почувствовав витающее в воздухе напряжение, Шэнь Чуншань

поспешил сменить тему:

— Обед скоро. Ну что, пойдём в заведение или дома поедим? Если дома, мне надо за продуктами сбегать, в холодильнике шаром кати.

Гу Чжи, устроившись на диване перед телевизором, увлечённо смотрел мультфильмы и не произнёс ни слова.

Шэнь Няню не хотелось устраивать лишнюю суету. В конце концов, он не чужой человек, чтобы его принимали с ресторанным размахом:

— Давайте дома.

Шэнь Чуншань повернулся к Гу Чжи:

— Сяо Чжи, а ты как?

— Как брат Няньнянь скажет, так и сделаем, — отозвался тот.

— Вот и ладно, — улыбнулся отец. — Тогда я быстро до магазина.

Шэнь Чуншань хотел было позвать ребят с собой. Гу Чжи охотно поднялся, но Шэнь Нянь отказался. И дело было даже не в присутствии Гу Чжи — мысль об общей семейной прогулке вызывала у него одновременно и тоску, и глухую неловкость:

— Я сначала навещу бабушку Цинь.

Зная, как сильно сын привязан к старушке, отец легко согласился:

— Хорошо. Есть какие-то пожелания? Что купить?

— Без разницы, — ответил Шэнь Нянь. — Я неприхотлив.

В этот момент из комнаты вышел Гу Чжи, уже одетый для улицы. Едва глянув на него, Шэнь Нянь наконец понял, почему тот так пристально разглядывал его пуховик: Шэнь Чуншань купил Гу Чжи точно такую же модель. Один в один.

«Ему не понравится», — первой мыслью откликнулся разум.

Почувствовав на себе взгляд сводного брата, Гу Чжи повернул голову и улыбнулся:

— Брат Няньнянь, смотри-ка, у нас одинаковые куртки.

Шэнь Чуншань сиял от радости:

— Да! Специально выбирал. Братя и должны ходить в одинаковом!

Шэнь Нянь ничего не ответил. Гу Чжи тоже промолчал. Они лишь переглянулись, и в этом молчаливом обмене взглядами сквозил смысл, понятный им двоим.

Когда отец с Гу Чжи ушли, Шэнь Нянь отправился к бабушке Цинь. Каково же было его удивление, когда от неё навстречу ему вышел дедушка Чжан. На старике лица не было — вид такой, будто они только что крупно вздорили.

Во всём переулке знали о вечных распрях старика Чжана и бабушки Цинь. Однако, сколько бы они ни вздорили на людях, ни один из них ни разу не переступал порог чужого дома. Шэнь Нянь озадаченно замер. Дедушка Чжан, не ожидавший встретить юношу, тоже смутился, и на его почтенном лице явственно отразилось замешательство:

— О, Сяо Нянь... Вернулся?

— Да, дедушка Чжан. А вы по делу к бабушке Цинь?

Старик тут же сгрёб в кулак остатки дружелюбия, лицо его одеревенело, и он сердито буркнул:

— Какое у меня к ней может быть дело? Обознался ты! Дверью я ошибся!

Бросив эти слова, дедушка Чжан развернулся и ушагал, даже не оглянувшись. Шэнь Нянь посмотрел ему вслед, не вполне понимая причину такой вспышки, но раздумывать долго не стал и прошёл в дом.

В доме стояла зимняя стужа. Бабушка Цинь сидела на кровати, опираясь на подушки. По телевизору шла её любимая опера «Хмельной удар по золотой ветви» — аккурат на моменте, где Го Цзыи вяжет Го Ая и ведёт во дворец. Прежде она не пропустила бы ни строчки из этой арии, но сейчас старушка безучастно смотрела в окно, даже не обратив внимания на вошедшего гостя.

Лишь когда Шэнь Нянь присел на край кровати, бабушка Цинь опомнилась и пришла в себя. Увидев внука, она на мгновение замерла, а затем ласково улыбнулась:

— Сяо Нянь приехал...

— Бабушка, ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет, — улыбнулась старушка. — Просто на улице мороз, вот меня лень и одолела, двигаться не хочется.

Убедившись, что со здоровьем всё в порядке, Шэнь Нянь перевёл дух. Однако в разговоре бабушка Цинь казалась рассеянной. Подумав, что он помешал её уединению, юноша уже собрался было прощаться, но старушка вдруг сжала его ладонь:

— Сяо Нянь, мне нужно тебе кое-что сказать.

В душе Шэнь Няня кольнуло дурное предчувствие, но он послушно кивнул:

— Я слушаю, бабушка.

— Я уезжаю жить к дочке. Уеду ещё до Нового года, — бабушка Цинь погладила его пальцы своей сухой ладонью. — Уеду я... и станет у нашего Сяо Няня одним человеком меньше, кто его любит да жалеет.

Известие застало Шэнь Няня врасплох, но вместе с тем и обрадовало. Одинокий сам по себе, он, пожалуй, лучше кого бы то ни было в переулке понимал, как тоскливо бабушке Цинь и как страстно она мечтает сойтись с детьми. Почему они не жили вместе раньше — он не знал, но точно ведал: старушка ждала этого дня долгие годы. Она стареет, и ей пора быть окружённой родными.

— Бабушка, ты радоваться должна, — с тёплой улыбкой сказал Шэнь Нянь. — Ты ведь так долго об этом мечтала.

— Мечтала, милый, всю жизнь ждала... Да только уеду я — и если нашего Сяо Няня кто обидит, кому ты в колени уткнёшься, где поплачешь? — Старушка ласково погладила его по голове. — Как же ты тут один?..

— Бабушка, — Шэнь Нянь мягко прижался к её коленям. — Я ведь уже взрослый. Не переживай за меня.

Он пробыл у бабушки Цинь почти до самого обеда. Шэнь Нянь пытался вывести точную дату отъезда, чтобы приехать и проводить её, но старушка не хотела утруждать его лишней дорогой и сбывала расспросы отговоркой, будто день ещё не назначен. Поняв, что упрямство бабушки не переломить, юноша отступил.

Вернувшись во двор, Шэнь Нянь застал отца за хлопотами на кухне. Гу Чжи грелся на солнышке, сидя на крыльце северного флигеля, и увлечённо листал комикс. При появлении сводного брата он лишь мельком вскинул глаза.

Проигнорировав Гу Чжи, Шэнь Нянь снял верхнюю одежду и прошёл на кухню помогать. Шэнь Чуншань отмахивался для приличия, но, видя рвение сына, с удовольствием уступил. Вдруг снаружи грохнула петарда; Шэнь Нянь вздрогнул. Отец успокаивающе улыбнулся:

— Да это я Сяо Чжи на днях хлопушек-чеснока накупил, вот он и забавляется.

Шэнь Нянь коротко кивнул. Под редкие хлопки петард за окном отец расспрашивал об учёбе и жизни в общежитии. Шэнь Нянь сдержанно отвечал на вопросы, и Шэнь Чуншань расцветал на глазах:

— Я тут вкусокостей набрал. Назад поедешь — заберёшь в общагу, угостишь ребят, отношения наладишь.

Шэнь Чуншань прежде никогда не проявлял подобной заботы, отчего у юноши на душе становилось неуютно. Отец, заметив его смущение, мягко прибавил:

— Впредь я буду стараться ещё лучше.

Услышав эти слова, Шэнь Нянь ощутил укол тепла, однако вслух лишь тихонько выдохнул согласие.

Он винил себя за то, что снова поддаётся несбыточным надеждам на отцовскую любовь, но на сей раз суеверно оставлял себе путь к отступлению — внушая, что если отец не сдержит обещанного, ничего страшного не случится.

Просто всё останется как было.

За обедом атмосферу нельзя было назвать сердечной, но и явной вражды не чувствовалось. Шэнь Чуншань упорно пытался подтолкнуть сыновей к миру, но Шэнь Нянь либо уводил разговор в сторону, либо отмалчивался. Впрочем, и Гу Чжи не спешил принимать отцовские миротворческие порывы: он всё меньше скрывал неприязнь к Шэнь Няню, не стесняясь даже присутствия отца.

Поняв, что потуги тщетны, Шэнь Чуншань сник и доел обед в молчании.

Хоть Гу Чжи и не проявлял дружелюбия, обещанного слова он, похоже, держался и никаких пакостей не устраивал. Шэнь Нянь немного перевёл дух, подумав, что продержаться до завтра будет не так уж сложно...

Ровно до той минуты, пока, вернувшись в северный флигель, он не уловил отчётливый запах гари.

Воняло палёной синтетикой. Шэнь Чуншань, вошедший следом, тоже наморщил нос:

— Чем это воняет? Неужто проводка замкнула?

Отец кинулся проверять розетки и выключатели. Шэнь Нянь шагнул было следом, но тут взгляд его упал на оставленный на диване пуховик: прямо посреди ткани зияла прожжённая дыра с обугленными краями.

Шэнь Нянь подошёл, взял куртку в руки и мгновенно обернулся к Гу Чжи:

— Твоих рук дело?

Привлечённый окликом, Шэнь Чуншань выбежал из комнаты. Увидев в руках сына прожжённый пуховик, он обомлел, забрал вещь, бегло осмотрел её и тоже уставился на Гу Чжи.

Тот застыл в дверях, глядя на обоих с самым невинным видом.

— Да это, небось, когда с чесноком забавлялся, искра случайно попала, — сглаживая углы, с лёгкостью произнёс Шэнь Чуншань. — Пустяки, подумаешь, куртка! Я тебе новую куплю, Сяо Нянь.

Шэнь Нянь стоял не шелохнувшись, не сводя глаз с Гу Чжи. Переводя взгляд с одного на другого, Шэнь Чуншань подошёл к младшему:

— Сяо Чжи, извинись перед братом. Скажи, что больше не будешь так неосторожен.

Гу Чжи с совершенно непроницаемым лицом смотрел на Шэнь Няня:

— А если я скажу, что это вышло случайно... ты мневеришь?

Шэнь Нянь не произнёс ни слова, но весь его вид красноречиво свидетельствовал: в «случайность» он не верит ни на грош.

Гу Чжи безразлично пожал плечами и умолк.

— Да господи, из-за какой-то одежды спорить! — натянуто хохотнул Шэнь Чуншань. — Не хватало ещё из-за тряпки переругаться!

— Папа, ты хоть понимаешь, зачем он это сделал? — Шэнь Нянь повернулся к отцу. — Только потому, что эту куртку мне купил ты. Ему это поперёк горла.

— Сяо Нянь! — Лицо Шэнь Чуншаня потемнело; подобный тон ему явно не понравился. — Сяо Чжи же объяснил — нечаянно вышло! Я пообещал купить тебе новую. Стоит ли раздувать из мухи слона? Будь взрослее, ты ведь старший брат!

Шэнь Нянь в изумлении воззрился на отца. Слова застряли у него в горле. Он ведь обронил всего пару фраз — и как за мгновение превратился в склочного, придирчивого тирана?

Формально отец прав: какая-то одежда, эка невидаль. У него есть в чём ходить, да и цепляться к Гу Чжи ради пустяка он не намеревался. Просто... это был первый подарок, который Шэнь Чуншань купил ему сам и лично привёз в общежитие. Шэнь Нянь берег эту вещицу, почти не надевал в институте.

Ему было просто до боли жаль её.

Но для Шэнь Чуншаня эта вещь не имела ни малейшей ценности. Простая тряпка, ради которой не стоит даже пожурить Гу Чжи.

Больно ли ему? Наверное... не так уж.

Он возвращался сюда с открытым сердцем и мирными намерениями, дав себе зарок вытерпеть и колкости, и обиды. Он лишь не ожидал, что всё рухнет так стремительно — так быстро, что он даже не успел насладиться иллюзией отцовского тепла.

Тягостное молчание сына словно привело Шэнь Чуншаня в чувство; он порывался что-то сказать, исправить оплошность, но Шэнь Нянь не дал ему заговорить. Юношу вдруг обожгло непреодолимым желанием озвучить мучивший его вопрос — загадку, разгадать которую он пытался безуспешно и долго.

Шэнь Нянь уставился на отца:

— Папа... в каких отношениях ты состоял с семьёй Гу Чжи?

Лицо Шэнь Чуншаня мгновенно изменилось, залившись краской стыда и неловкости. По этой реакции Шэнь Нянь сразу понял: прямого ответа он не получит. Но раз уж спросил — нужно идти до конца, иначе сама попытка теряет смысл.

— Гу Чжи... — Шэнь Нянь попытался подобрать обтекаемые слова, но, не найдя подходящих, спросил прямо: — Гу Чжи — твой родной сын?

На этот раз дрогнул не только Шэнь Чуншань — даже Гу Чжи вскинул голову, изумлённо уставившись на сводного брата, не понимая, откуда выплыли такие подозрения.

— Сяо Нянь, ты о чём вообще?! — суматошно замахал руками Шэнь Чуншань, сбиваясь и путаясь в словах. — Гу Чжи мне не сын! Он... он сын моего давнего друга! Просто... у мальчишки прежде была тяжёлая жизнь, вот я и хотел... хотел подарить ему немного тепла...

В эту секунду Шэнь Нянь поверил отцу. Но именно эта вера принесла глубочайшее разочарование. Будь Гу Чжи родным сыном Шэнь Чуншаня, отцовская слепая забота о нём была бы естественной и оправданной. И тогда все застарелые обиды Шэнь Няня на несправедливость растаяли бы сами собой.

В конце концов, сам Шэнь Нянь тоже был приёмным.

Но ведь и Гу Чжи — чужой по крови! Почему же между ними пролегла такая пропасть? Шэнь Нянь никак не мог взять в толк: неужели только потому, что он сам привык молча терпеть и не умел плакать, он не заслужил даже крохи отцовской сладости?

— Сяо Нянь... — В голосе Шэнь Чуншаня проскользнули умоляющие нотки. — Ты не бери в голову, что я тут намелел... Отец просто вспылil, сгоряча ляпнул...

— Папа... — Шэнь Нянь оборвал излияния отца.

А оборвав, замер, не ведая, что сказать дальше. Ему не хотелось произносить ни слова, но в памяти сам собой всплыл кухонный разговор и отцовское обещание: «Впредь я буду стараться ещё лучше».

Какая горькая, нелепая фальшь.

Юноша вскинул глаза на Шэнь Чуншаня и тихо проговорил:

— Папа... Лучше бы ты вообще никогда не давал мне надежды.

<http://bllate.org/book/20601/2131939>